

КОНФЛИКТ ГЕНИАЛЬНОГО ПРОСТОЛЮДИНА И НИЧТОЖНОЙ ЭЛИТЫ

*Тоирова Д.Ф д.ф.н.,(DSc), проф.,
заведующая кафедрой «Языков» Самаркандского филиала Ташкентского
университета информационных технологий
dilfuza.toirova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается, как автор, сравнивая политическую тему в художественном произведении с выстрелом во время концерта, явно воспринимал искусство как гармоничное и неизменное наслаждение. Однако этот «выстрел» был неотъемлемой частью концерта, ведь искусство невозможно без острых проблем, а сам концерт в каком-то смысле тоже являлся «выстрелом», отражая суть самой жизни. Искусство – это не только постановка вопросов, но и их решение, а даже отказ от решения всё равно остаётся своеобразным выбором.

Ключевые слова: эпоха, набросок, период, литература, кризис, общество, Реставрация, история, век, писатель, дневник, свобода и т.д.

THE CONFLICT BETWEEN A GENIUS COMMONER AND AN INSIGNIFICANT ELITE

ANNOTATION The article examines how the author, comparing the political theme in a work of fiction with a shot during a concert, clearly perceived art as a harmonious and unchanging pleasure. However, this «shot» was an integral part of the concert, because art is impossible without acute problems, and the concert itself, in a sense, was also a «shot», reflecting the essence of life itself. Art is not only about asking questions, but also about solving them, and even rejecting a solution is still a kind of choice.

Keywords: *epoch, sketch, period, literature, crisis, society, Restoration, history, century, writer, diary, freedom, etc.*

DAHO ODDIY ODAM VA AHAMIYATSIZ ELITA O‘RTASIDAGI ZIDDIYAT

ANNOTATSIYA Maqolada muallif badiiy asardagi siyosiy mavzuni kontsert paytida o‘q otish bilan taqqoslab, san’atni uyg’un va o‘zgarmas zavq sifatida qanday qabul qilganligi ko‘rib chiqiladi. Biroq, bu “otish” kontsertning ajralmas qismi edi, chunki san’at o‘tkir muammolarsiz mumkin emas va kontsertning o‘zi ham hayotning mohiyatini aks ettiruvchi

“otish” edi. San’at nafaqat savollar berish, balki ularni hal qilish, hatto qaror qabul qilishdan bosh tortish ham o‘ziga xos tanlovdir.

Kalit so‘zlar: *davr, yeskiz, davr, adabiyot, inqiroz, jamiyat, restavratsiya, tarix, asr, yozuvchi, kundalik, yerkinlik va boshqalar.*

Стендаль, воспринимая идеи мыслителей-моралистов XVII века и особенно эпохи Просвещения, перенял их веру в силу разума и учение о пользе как главном мотиве человеческих поступков. В то же время он по-своему разделял романтический взгляд на выдающиеся, страстные и самобытные личности. В его понимании фундаментальным свойством человека является способность стремиться к счастью, что выражается в его нравственных установках. Эта тяга к счастью, будучи врождённой и неизменной частью человеческой природы, всё же приобретает разные формы в зависимости от нравов и обычаев той или иной эпохи, что делает её исторически обусловленной. От общественного устройства, по мнению Стендаля, зависит, приводит ли стремление к счастью к внутреннему опустошению и порабощению разума или, напротив, способствует свободе мысли и возвышению души, превращается ли оно в борьбу всех против всех или ведёт к гармоничному сочетанию личного и общего блага.

В этом случае способность энергично и честно стремиться к счастью становится не только личной добродетелью, но и гражданской доблестью. По мнению Стендаля, именно таким сочетанием личной выгоды и общественного блага отличались времена недавней революции. Это породило искренних, самоотверженных, почти титанических личностей, чьё честолюбие направляло их на служение высоким идеалам. Совсем иная судьба постигла тех, кто оказался в эпоху послереволюционного застоя, когда три алчных силы – вырождающееся, духовно и интеллектуально бедное дворянство, лицемерное духовенство и циничные дельцы, движимые жаждой наживы – соперничали друг с другом за богатство, почести и власть. Героическая страсть сохранилась лишь среди простолюдинов, однако даже их не обошли разлагающие веяния времени, из-за чего их стремление к счастью часто превращалось в болезненное, искажённое честолюбие.

В захолустном Верьере, откуда родом Сорель, жители преклоняются перед единственным божеством – богатством. Жажда наживы, зачастую нечестным путём, захватила всех: от тюремщика, вымогающего взятки, до городских властей, обирающих округу. Местные дворяне, утратив сословную гордость, подобно мэру и владельцу гвоздильного завода господину де Реналю, без колебаний извлекают прибыль из дел, которыми прежде брезговали. На смену этим «аристократам», чья вульгарность не уступает мещанской, приходит новый тип дельца – ловкий проходимец и безродный мошенник Вально, не стесняющийся даже обкрадывать сиротский приют. Власть в этой насквозь обуржуазившейся провинции принадлежит алчным приспособленцам, готовым пресмыкаться перед королевской властью, пока она щедро одаривает их своими подачками.

И как бы подчёркивая чёрные тени этой картины ещё рельефнее, Стендаль бросает на неё багряно-красные отсветы былого – памятных грозовых времён революции и наполеоновских побед. Для писателя, как и для его Сореля, прошлое – героический миф, в котором рядовые французы, затравленные белым террором и доносами святош, черпают подкрепление своему чувству достоинства, внутреннему протесту и хрупкой надежде. Так обозначаются масштабы философско-исторического раздумья в «Красном и чёрном»: почти полувековые судьбы Франции, прослеженные в их преизбыточной разветвленности на многих тысячах страниц «Человеческой комедии» Бальзака, получают в резком столкновении эпох, исподволь пронизывающем книгу Стендаля, памфлетно острое и предельно сжатое выражение.

Да и личная судьба Жюльена Сореля сложилась в тесной зависимости от смены исторической погоды. Из прошлого он заимствует свой внутренний кодекс чести, настоящее обрекает его на бесчестие. По своим задаткам «человек 93 года», поклонник революционеров и военачальников Наполеона, он «опоздал родиться». Миновала пора, когда положение завоёвывали личной доблестью, отвагой, умом. Ныне плебею для «охоты за счастьем» предлагается только подспорье, которое в ходу у детей безвременья: расчётливо-лицемерное благочестие. Цвет удачи переменялся, как при повороте рулетки: сегодня, чтобы выиграть, надо ставить не на красное, а на чёрное. И юноша, одержимый мечтой о славе, поставлен перед выбором: либо сгинуть в неизвестности, либо попробовать самоутвердиться, подладившись к своему веку, «надев мундир по времени» - сутану. Он отворачивается от друзей и служит тем, кого в душе презирает; безбожник, он прикидывается святошей; поклонник якобинцев – пытается проникнуть в круг аристократов; будучи наделен острым умом – поддакивает глупцам. Поняв, что «каждый за себя в этой пустыне эгоизма, именуемой жизнью», он ринулся в схватку в расчёте победить навязанным ему оружием.

И всё-таки Сорель – не бальзаковский Растиньяк. Встав на путь приспособления, он не сделался до конца приспособленцем; избрав способы завоевать счастье, принятые всеми вокруг, не разделил вполне их морали. И дело здесь не просто в том, что одарённый юноша неизмеримо умнее, чем бездарности, у которых он в услужении. Само его лицемерие – не униженная покорность, а своего рода вызов обществу, сопровождаемый отказом признать право «хозяев жизни» на уважение и их претензии задавать своим подчинённым нравственные принципы. Верхи – враг, подлый, коварный, мстительный. Пользуясь их благосклонностью, Сорель, однако, не знает за собой долгов совести перед ними, - ведь, даже обласкивая способного юношу, в нём видят не личность, а расторопного слугу.

У Сореля есть свой собственный, независимый от господствующей морали свод заповедей, и только им он повинуетя неукоснительно. Свод этот не лишён отпечатка запросов плебея-честолюбца, но запрещает строить на бедах ближнего. Он предписывает ясную мысль, не ослеплённую предрассудками и трепетом перед чинами, а главное –

смелость, энергию, неприязнь ко всякой душевной дряблости. И пусть Жюльен вынужден сражаться на незримых комнатных баррикадах, пусть он идёт на приступ не со шпагой в руке, а с изворотливыми речами на устах, пусть его личные подвиги никому, кроме него самого, не нужны, - для Стендаля это его геройство, искаженное и поставленное на службу сугубо личному преуспеянию, всё же отдаленно сродни тем патриотическим доблестям, что были присущи некогда санкюлотам-якобинцам и солдатам наполеоновского войска. В бунте стендалевского выходца из низов немало наносного, но здесь нельзя не различить здоровую в своих истоках попытку сбросить социальные и нравственные оковы, обрекающие простолюдина на прозябание. И Сорель ничуть не заблуждается, когда, подводя черту под своей жизнью в заключительном слове на суде, расценивает смертный приговор ему как месть обороняющих свои доходы собственников, которые карают в его лице всех молодых мятежников из народа, восстающих против своего удела.

Естественно, что вторая, бунтарская сторона натура Сореля не может мирно ужиться с его намерением сделать карьеру святоши. Он способен ко многому себя принудить, но учинить до конца это насилие над собой ему не дано. Для него становятся чудовищной мукой семинарские упражнения в аскетическом благочестии. Ему приходится напрягаться из последних сил, чтобы не выдать своего презрения к аристократическим ничтожествам. «В этом существе почти ежедневно бушевала буря», - замечает Стендаль, и вся духовная история честолюбивого юноши соткана из приливов и отливов неистовых страстей, которые разбиваются о плотину неумолимого «надо», диктуемого разумом и осторожностью. В этом раздвоенности, в конечной неспособности подавить в себе врождённую гордость, и кроётся причина того, что грехопадению, которое поначалу кажется самому Сорелю возвышением, не суждено свершиться до конца.

Роковой и нелепый выстрел в госпожу де Реналь в церкви резко обрывает это медленное, подспудное миро - и само - познание. Оно разрешается здесь в стихийном душевном кризисе, когда конечные истины ещё не осмыслены, но уже властно завладели личностью, толкая её на отчаянный шаг. Пока что они зыбки, не поддаются жёсткому закреплению в слове, и Стендаль, обычно столь щедрый на психологические разъяснения, ограничивается тем, что предельно сжато намечает внешний пунктир происшествия. Каждому из нас в меру своей чуткости предложено дорисовать действительно несказанное, близкое к неменяемости смятение – запутанный клубок ярости, отчаяния, боли, тоски, жажды отомстить за поруганную честь. В душе Сореля рушится вера в самое дорогое, в незапятнанную и втайне боготворимую святыню. Жизнь вдруг предстаёт такой постылой, а собственные недавние упования такой бессмыслицей, что единственный выход – уничтожить самого себя, уничтожив и то, чему до сих пор молился. Попытка Сореля убить обожаемую женщину – одновременно попытка самоубийства, он это, по крайней мере, подозревает. И потому, словно замороженный,

мчится навстречу двум смертям. Позже, в тюремной камере, к нему придёт выстраданное прозрение. «Оттого я теперь мудр, что раньше был безумен», - говорится в эпитафии к одной из заключительных глав «Красного и чёрного»; покушение в церкви и есть последний неистовый взрыв прежнего «безумия» и вместе с тем порог обретенной мудрости. Переступив его, Сорель отбросил ложь, которую прежде принимал за правду.

И в первую очередь утешительный самообман, которым, при всей своей настороженности, он всё-таки обольщался, где-то в закоулках подсознания лелея надежду, что в обществе не вовсе померкли проблески справедливости и оно когда-нибудь да оценит его. Нет, здесь царят звериные нравы удачливых рвачей – таков не подлежащий обжалованию приговор, который устами подсудимого Сореля в его речи на суде выносит жизненному укладу целой исторической эпохи Стендаль, завершая свою хронику безвременья.

Другая истина, озарившая Жюльена в тюрьме, приносит, наконец, отдохновение его измученной душе. В преддверии смерти он постигает тщётность своих былых честолюбивых грёз. И тогда разум не наступает на горло чувствам, а помогает юноше стать самим собой и обнаружить счастье там, где оно не химерично. Он ошибался в ближних, ослеплённых внешним блеском и словесной мишурой. Ожидающий казни в своей тюремной камере переживает очищение. В нём просыпается томившееся дотопе под спудом великодушия, по-детский мечтательная задумчивость, щедрая доброта, сердечное тепло – всё то, что он раньше в себе подавлял.

Стендаль не терпит дразнящих недосказанностей, загадок, как избегает он броской живописи словом или плавной риторической закруглённости. Он предельно скуп в зарисовках быта, пейзажей, лиц. Когда же они графически намечены, то неизменно пропущены сквозь разногранную изменчивую призму чьего-нибудь сиюминутного восприятия, оказываясь не просто описанием, но и одним из слагаемых душевного состояния созерцающего. Мало занимает Стендаля и собственно интрига – чаще всего она попросту заимствована и в ней запутанных ходов, побочных ответвлений, неожиданных подвохов. У «Красного и чёрного» простая и стройная, без всяких хронологических смещений, мемуарно - одностержневая композиция. Она позволяет сосредоточиться не столько на происшествиях и приключениях, сколько на мыслях, переживаниях героической по своим задаткам личности. Это мастерство, в котором Стендаль не имеет себе равных во Франции XIX века.

Ритм рассказа подчинён той же цели и избегает плавного нарастания напряжения от завязки к кульминации. Он намеренно неровный, фрагментарный: размеренное течение аналитико-психологических эпизодов, где внутренние монологи (часто переданные несобственно-прямой речью) перемежаются с разъясняющими размышлениями повествователя, внезапно сменяется резкими скачками в ключевых поворотных моментах, чтобы затем вновь вернуться к неспешному наблюдению за тончайшими оттенками душевных переживаний. Стендаль неоднократно утверждал, что

только предельно точный и естественный язык способен передать сложный, многослойный поток мыслей, составляющий для него самую важную историю – историю духовных исканий и открытий. Освобождённый от напыщенной красоты, лишённый излишних украшений и сосредоточенный исключительно на сути, шероховатый, а порой даже ломкий стиль Стендаля не столько завораживает, сколько пробуждает и удерживает наш ум в состоянии постоянного анализа. Уникальное очарование своеобразной поэзии *Красного и чёрного* заключается в том, что она вовлекает читателя в процесс интеллектуального постижения, не признающего запретов, не довольствующегося размытыми намёками и стремящегося проникнуть в самую глубину человеческой души, раскрывая скрытую логику сердца, где отразились драматические перипетии эпохи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Ауэрбах Э. Мимессис. М., 1976, с.461.
2. Роллан Р. Стендаль и музыка. – Собр.соч. в 14-ти томах. М., 1958, т.14.
3. Реизов Б.Г. Стендаль Философия истории. Политика. Эстетика. Л., 1974.
4. Ауэрбах Э. Мимессис. М., 1976, с.461.
5. Особенности стилистики Стендаля вскрыты в ст.: Эпштейн М.Н. Аналитизм и полифонизм во французской прозе (стили Стендаля и Бальзака). – В сб.: Типология стилевого развития XIX века. М., 1977. См. также кн.: Прево Ж. Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя. М – Л., 1960
6. А.Л.Штейн, М.Н.Черневич, М.А.Яхонтова. История французской литературы